

Анатолий Гай

ЖИЗНЬ — ИСТОЧНИК ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА

Заметки о языке стихов П. Комарова

Истинно поэтические произведения живут многие годы и после того, как они созданы. Таковы и лучшие стихи талантливого дальневосточного поэта, лауреата Сталинской премии Петра Комарова, воспевшего природу родного края и созидательный труд его преобразователей — советских людей. С течением лет эти стихи завоевывают всё более широкий круг читателей, волнуя их той же силой своей лирической проникновенности и обаяния. Она прежде всего в том, что стихи животрепещущи, актуальны по содержанию, что в них правдиво переданы дух времени, типические черты характера наших современников. Об этом писалось уже немало. Но сила этих стихов и в действительности слова, языка поэта — основного орудия, с помощью которого их содержание выражено. Попыток всмотреться в поэзию П. Комарова с этой стороны еще не было. Живой, а для других дальневосточных поэтов — и поучительный интерес составляет поэтому выяснение состава и свойства его языковых средств, некоторых особенностей стихотворной речи.

Творчество П. Комарова формировалось и зрело в годы советской власти, когда наш народ осуществлял задачу построения нового, социалистического общества. Коренное революционное преобразование всех сторон общественной жизни народа необычайно оживило и ускорило ее темпы, а это в свою очередь вызвало быстрое дальнейшее развитие нашего языка. Оставалась в целостности его основа — словарный фонд и грамматический строй, но, в связи с огромными и решающими экономическими, политическими, культурными изменениями в стране, совершались характерные изменения в лексике, фразеологии, семантике языка народа.

«Изменился в известной мере словарный состав русского языка, — указывал И. В. Сталин, — изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалисти-

ческого производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов»*. Язык нашего времени, таким образом, значительно обогатился, умножились и обновились его средства выражения, поднявшись в своем непрерывном развитии на новую ступень.

На почве общенародного языка, в нераздельном единстве с ним развивался и развивается художественный литературный язык. В качестве основы современного русского языка сохранилась во всем существенном структура пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом. Он, естественно, служит основой также для советской литературы. Но, отображая общественную жизнь своей эпохи, рисуя новые явления действительности, литература отражает и дальнейшее развитие языка народа, воспроизводит происходящие в нем изменения. Каждый писатель, создавая свой индивидуальный стиль на почве общего словарного фонда и грамматического строя народного языка, в той или иной мере выявляет и обусловленное жизнью пополнение его словарного состава, появление новых слов и выражений, изменение смыслового значения слов. Известно, что в области поэзии этот процесс был особенно ощутимо двинут вперед Маяковским, начавшим обновление и обогащение поэтического языка нашей эпохи на основе дальнейшего сближения его с языком народно-разговорным, путем широкого ввода в стихотворный обиход рожденных революцией новых понятий и выражений и образования новых слов, средств и форм художественного изображения.

* И. Сталин, Относительно марксизма в языкознании, Госполитиздат, М., 1950, стр. 4.

Эту работу вслед за Маяковским продолжали и продолжают наши виднейшие поэты Д. Бедный, Н. Тихонов, Н. Асеев, А. Сурков, М. Исаковский, А. Твардовский, Н. Грибачев, ее продолжает вся советская поэзия наших дней. Каждый из поэтов, в соответствии с содержанием его творчества, сообразно своей художественной манере обновляет и умножает выразительные средства поэтической речи. Богатство, выразительность, индивидуальное своеобразие стиля каждого поэта определяются тем, в какой степени учитывает он изменения в общенародном языке, насколько широко вводит новые элементы из общего словарного фонда народного языка, в сочетании со словарным запасом великой русской классической литературы.

Языковой строй стихов П. Комарова, их словарь говорят о том, что он обладал живым, активным чувством непрерывного развития родного языка. Конечно, как и у всех русских советских поэтов, природной основой этих стихов была структура пушкинского языка с его словарным фондом и грамматическим строем. В лексике комаровских стихов явно сказались также влияние Некрасова, сделавшего после Пушкина особенно крупный шаг в сближении литературно-поэтического языка с языком народно-разговорным, крестьянским. Ища в творениях классиков образцы ясности и высокой художественной простоты русского стиха, П. Комаров пользовался и богатством их словарного наследия. Но, черпая слова и образы из неисчерпаемых запасов нашей классической поэзии, он вместе с тем чутко улавливал изменения, вносимые жизнью в современный язык народа, и брал из его пополняющегося словарного состава новые элементы, отвечающие явлениям своего времени, расширяющие круг поэтических средств изображения. Эта работа не носила у него характера создания новых словообразований, а представляла собой творческое включение в поэтический обиход ряда бытующих в общенародном языке, но редких, либо еще не употреблявшихся в русской поэзии слов, которые помогали шире раскрывать новые явления нашей действительности, умножали общие возможности нашей поэтической речи и одновременно придавали ту индивидуальную окрашенность, те черты своеобразия, что были присущи собственному поэтическому языку П. Комарова.

Одна из существенных сторон своеобразия творчества, а следовательно и языка поэта обусловлена тем, что всё это творчество связано с действительностью, бытом, природой нового, советского Дальнего Востока. Революция коренным образом изменила судьбу этой отдаленной окраины России. Из отсталой провинции Дальний Восток превратился в передовой индустриальный край, где быстрыми темпами шло социалистическое переустройство народного хозяйства. События междуна-

родной жизни тем более подняли значение Дальнего Востока как пограничного края — форпоста социализма на Тихом океане. Он перестал быть «белым пятном» и для литературы. Тема строительства советского Дальнего Востока и жизни народов сопредельных с ним стран стала одной из ведущих тем многих книг советских писателей. Она получила отражение и в советской поэзии. В этом жанре именно П. Комаров дал наиболее полные и яркие картины жизни края в годы его освоения и социалистического преобразования. Тем более это относится к поэтическим картинам неповторимо-самобытной дальневосточной природы, ее современного пейзажа.

Уже одно это наложило отпечаток на словарный состав и языковой строй стихов П. Комарова. Вместе с картинами дальневосточной действительности в эти стихи вошли связанные с ее особенностями разносторонние — редкие или совсем не употреблявшиеся в поэзии — слова и понятия: прежде всего, большое число новых географических наименований, расширяющих представление о масштабе территории края, характере рельефа, расположении, населенности. Наряду с широко известными, давно вошедшими в литературу названиями морей, рек, областей и районов в комаровских стихах заняли место мало знакомые, либо совсем еще не бывавшие в поэтическом обиходе названия, например, — реки и озера: Зея, Ханка, Бурея, Уссури, Хор, Брянта, Кохань, Эворон, Хумми; горные хребты: Хинган, Тукурингр, Хехцир, Явгельдин, Дадяньшань; острова: Командорские, Шантары и т. д. События, рисуемые поэтом, происходят и в старых и в новых дальневосточных городах и селах — Комсомольске, Магадане, Советской Гавани, Находке, Гвасюгах, Турьем Роге, Тетюхэ, Тигровой пади. Не раз он называет такие популярные исторические места края, как Волочаевка, Спасск, Хасан, Порт-Артур, а вместе с ними и менее известные: Посьет, Ивановка, застава Мухина, Петровская коса и др. Весьма часто фигурируют у него города, реки, провинции сопредельных с краем Китая, Кореи, Монголии, Японии, Америки, — достаточно привести хотя бы некоторые китайские и монгольские наименования: Хэнань, Сахалян, Суйфун, Ушагоу, Сунгари, Дуньхуа, Санчагоу, Футдин, Хайлар, Тюмень-ула, Хара-Хото и т. д. Введение слов этого ряда, соответствовавших своеобразие дальневосточной обстановки, — одна из отличительных особенностей словаря поэта.

Здесь не могла не сказаться также специфика края, связанная с многонациональным составом его населения. В комаровский словарь, кроме русских, украинских, влились национальные слова и наименования нанайцев, удэгейцев, народов нашего Крайнего Севера, а также народов сопредельных стран. В стихи вошли

характерные имена персонажей — Саур, Сейла, Пассар, Келундзюга, Ван Дан-гу, Кобаяси. И опять-таки последовал ввод в стихотворную речь редких или новых для русской поэзии слов, отвечающих особенной этнографии края и бытовому укладу обитающих на его территории и соотносящихся с ним народов. В свою очередь такие слова, как, например, гаолян, чумиза, соя, фанза, тайфун, чум, торбаза, яранга, важенка, нарты, пампушки, рикша, джонки, сакэ, кан, ганза, иероглиф, пагода и пр., — тоже превратились в стихах П. Комарова в повседневно употребляемые.

О Комарове справедливо говорят, что он сумел красочно показать и красоту дальневосточной природы, и богатство ее флоры и фауны. А это обусловило другую особенность языковых изобразительных средств поэта. В словарном составе его стихов и рассказов — около ста пятидесяти названий деревьев, трав, цветов и злаков, до двухсот названий зверей, птиц, рыб, насекомых, несколько десятков названий ископаемых и других природных ресурсов. Мало у кого из наших поэтов можно встретить столько привлеченных в стихи слов этого ряда. Они шли от подлинного знания П. Комаровым природы родного края и служили ему тем словарным запасом, с помощью которого он создавал свои самобытные и свежие картины дальневосточного пейзажа.

В его стихотворном обиходе и тут занимали место новые или редкие для языка поэзии слова, например — из растительного мира Дальнего Востока: сарана, жень-шень, лотос, аралия, багульник, бархатное дерево; из мира животных: изюбрь, кабарга, котик, краб; из названий птиц и рыб: козодой, фазан, кета, таймень, ауха, амур, змееголов и т. д. Эти слова употреблялись в научных исследованиях о флоре и фауне края, порой появлялись в художественной прозе, но их еще не было или почти не было в стихотворной речи. П. Комаров умножал работу своих литературных предшественников по отбору таких слов для повседневного употребления и в поэзии.

Вместе с тем, кстати, он существенно видоизменял изобразительную функцию и тех слов, которые употреблялись в стихах издавна. Известны, например, многие случаи, когда слова «тигр», «барс», «сокол» и другие использовались поэтами в условных, книжно-романтических образных сочетаниях, уже ставших литературными штампами: «как тигр, он был суров и величав», «ты соколом взлети под облака» и т. п. Лишь в одном из ранних произведений П. Комаров и использовал таким же образом слово «барс»: «Я... на локтях, припав к земле, как барс пополз вперед». Во всех других случаях и эти слова выступают у него не в качестве условно-романтических символов, а в прямом их значении — как детали того или иного реалистического пейзажного рисунка.

Так, избрав основным объектом изобра-

жения природу и новый быт советского Дальнего Востока, он и поэтический язык пополнял соответствующими их особенностям речевыми средствами. Пополнение шло, следовательно, за счет научных — географических и этнографических — наименований, а также обиходных слов сибирского, забайкальского, дальневосточного местных диалектов и некоторых иноязычных слов. Со включением Сибири и Дальнего Востока в общую систему народного хозяйства страны на единой экономической базе, с ликвидацией их былой отсталости и изолированности, — такие диалектные элементы, присущие разговорному обиходу местного населения, переставали быть территориально-отчужденными и вливались в словарный состав общенародного русского языка. Отсюда и заимствовал их П. Комаров как дополнительный источник для создания самобытных лексических средств поэтического изображения.

На этом основании он пользовался и так называемыми «областными» словами. Они не носили у него отпечатка местничества и экзотики, потому что из числа диалектных слов он тоже вводил в стихи лишь те, что были приняты и освоены общенародным языком. У него то и дело встречаются, например, слова «сопки», «протока», «релка», пришедшие от дальневосточного диалекта, но они стали уже настолько употребительными, что трудно или совсем невозможно заменить их иными известными, общепринятыми словами. Таковы же забайкальские «гуран», «куреля», или сибирские «падь», «распадок» и другие слова, хотя и относящиеся к разряду областных, но столь же укоренившиеся в общенародном языке. Всё это вместе взятое образовало значительную долю словарного состава стихов П. Комарова, умножив их изобразительные возможности и одновременно придав языку поэта ощутимый дальневосточный колорит.

Но самая существенная черта своеобразия его языка была обусловлена другим. Природу и быт родного края поэт изображал не абстрактно, а в прямой связи с новой действительностью, с общественным трудом советских людей — строителей социалистического общества. Содержание его поэзии определяли великие социальные преобразования, в корне изменившие облик советского Дальнего Востока, как и всей страны. Вместе с ними, как сказано, последовали изменения в общенациональном языке и широкий процесс обогащения языка литературы новыми словами и понятиями. П. Комаров, в ряду других советских поэтов, стал активнейшим участником этого процесса. Деятельное чувство развития общенародного языка проявилось у него в живом творческом восприятии тех новых речевых элементов, что были связаны с утверждением новых форм труда и производства, новых общественных отношений.

Основными источниками, — из которых обогащал П. Комаров свою поэтическую

стихотворение о советских солдатах, собравшихся на дружескую встречу. «Круговая чаша» тоже была здесь данью старому поэтическому словарю. С другой стороны, случались в ранних стихах П. Комарова риторические вычурности, неудачные слова-образы, не отвечающие тому смыслу, который требовалось выразить. В стихотворении «Зарядка», описав стройку одного из первых заводов, он заключил: «Так начаты были десятки прелюдий». В намерениях автора было сказать, что так начинались десятки других новостроек, слово же «прелюдии» не только оказывалось для этого неточным, но и вовсе не соответствовало данному смыслу. Другое стихотворение — «Моря под конвоем», говорившее о непримиримой борьбе двух противостоящих социальных миров — капиталистического и социалистического, молодой поэт заканчивал такой фразой: «Скоро два класса назначат день последнего рандеву». Но при том большом политическом смысле, который здесь надо было передать, во-первых, неточными оказывались выражения «два класса» и «назначат день», а во-вторых, этому смыслу опять-таки совсем не отвечало французское словцо «рандеву», о котором даже и в иностранном словаре сказано, что оно обозначает «условленное свидание, преимущественно романтического характера».

Но всё это объяснялось еще литературной неопытностью, неумелостью молодого поэта, а не стремлением отгородиться от новой действительности и не эстетско-формалистскими блужданиями, на которые он никогда не сбивался, в отличие от некоторых других — в частности, и дальневосточных — поэтов его поколения. Чувство нового всегда было присуще П. Комарову, и творчески созревая, всё глубже разрабатывая актуальные темы современности, он искал новые языковые изобразительные средства, отвечающие потребностям нового времени, способные верно его раскрыть. Он стремился сделать свою стихотворную речь конкретно-реалистической, добиться того, чтобы слово соответствовало изображаемой действительности, правде жизни, — и, учась на лучших образцах советской поэзии, стал на правильный путь активного привлечения речевого материала из современного, обогащенного опытом социалистического строительства и культурной революции, языка народа.

В первых же его стихах, написанных свыше четверти века назад о начале коллективизации дальневосточной деревни, уже были новые слова и понятия, возникшие в общенародном языке в связи с этим общим для всей страны явлением. В пору зрелого творчества, всё шире касаясь тем социалистического преобразования Дальнего Востока, он сознательно строил образно-поэтическую систему на использовании возникающих социалистических элементов общенародной лексики. В их числе были многие характерные политические термины, выра-

жающие важнейшие для советских людей понятия. Без них невозможно раскрытие духовного мира человека наших дней — потому политическими терминами в равной мере насыщались и самые проникновенные лирические стихи П. Комарова. Этому отнюдь не мешало и то, что в своей поэтике он держался старых размеров классического стиха с их устоявшейся ритмикой. Именно через новую словарную ткань он и этим традиционным размерам придавал свои новые ритмические интонации, новые оттенки и поэтические краски.

Таким образом, в словаре П. Комарова заняла большое место, во-первых, наша общественно-политическая терминология с ее новым, советским марксистско-ленинским содержанием. Это закономерно связано с тем, что поэт показывал многогранность общественных интересов, рост политического сознания и культуры строителей Дальнего Востока. Партия, коммунизм, большевики, патриотизм, производительность труда, пятилетка, соревнование, стройка, темпы роста, ударник, общественник и другие слова и понятия этой категории, глубоко бытующие в общенародном языке и литературе, стали такими же в его стихах. Рядом с ними стоят часто употребляемые поэтом новые фразовые построения и устойчивые сочетания слов, отражающие тот или иной новый, современный оттенок смысла, например: «красный командир», «фонд обороны», «военный заем», «стахановский урожай», «женский актив», «чувство нового», «новатор производства», «комсомольский воскресник», «весенняя посезная», «по плану пятилетки», «коммунистическое завтра», «в коммунизм доставит эстафету» и др.

В стихотворном обиходе П. Комарова немало вновь образованных слов, появившихся в общенародном языке как отражение новых общественных отношений. Сюда относится, в частности, своеобразный класс сложносокращенных слов разного типа. Многие из них так прочно укоренились в народном говоре, что почти вытеснили из речи те сочетания, из которых сами произошли. Постоянно фигурирует и в комаровских стихах, по крайней мере, пять десятков таких слов: агитпроп, рабфак, губком, политрук, предколхоза, культбаза, радиосводка, управдом, птицеферма, парторг, завклубом, трудодень, дзот и др. У него можно найти даже сокращения, обычно обозначаемые лишь по начальным буквам составляющих слов: дружины ПВО, МТС, МТФ, ЛЗС, США. Между прочим, как раз и этих сложносокращенных слов чураются поэты, поныне твердящие о непоэтичности общественно-политических элементов общенародной лексики и мнимой несовместимости их с языковыми средствами лирического стиха. В лирике П. Комарова — да и не только его одного — эти слова, уместно привлеченные, — вполне органичны и поэтически действенны.

Выражению нового содержания в случаях надобности у него служили также ар-

архаизмы — издавна бытующие слова и выражения. Но для этой цели он брал те из них, что вовлечены в современный общенародный язык либо в обновленных сочетаниях, либо переработанными по смыслу и получившими современное звучание. Такие архаизмы, переосмысленные заново, обычно привлекаются для того, чтобы придать ораторской, газетно-публицистической или художественной речи особую выразительность, подчеркивающую крупное значение тех или иных описываемых явлений современности, событий и общественных представлений. Они и у П. Комарова наиболее часто встречаются в стихах о Великой Отечественной войне, о Родине и патриотизме советских людей, например: «священная война», «советская держава», «бесстрашный воин», «святое слово ленинских заветов», «советский очаг», «наш гнев святой и наш огонь отмщенья», «смертный правый бой», «алый стяг», «на поле брани жаркой», «любви сыновней праведная сила» и т. д.

Значительная доля стихов поэта касалась жизни и борьбы советских пограничников, охранявших рубежи Дальнего Востока, повествовала о боевой учебе воинов Советской Армии, их героизме на фронтах. С изображением этой стороны действительности входили и свои, связанные с ней, речевые элементы общенародного языка: названия различных видов оружия и снаряжения, предметов воинского обихода, воинских званий и специальностей, боевых действий подразделений, тактических приемов и операций. Они тоже служили отражению именно современного состояния армии и ее действий: особая терминология и сочетания слов этой категории были характерными для наших дней — к примеру: «учебный поход по тревоге», «исходный рубеж», «форсированный марш», «артиллерийский полигон», «боевой порядок», «опонь зенитных батарей» и пр. Здесь были и рожденные в народе образные словечки военных лет: обозначение плененного вражеского солдата — «язык», названия самолетов — «чайка», «ястребок» или новейшего артиллерийского оружия — «катюши». Новая воинская терминология получала метафорическое звучание в образных построениях поэта: «там липы дневалят у солпок», «здесь даже шмель над головою, как пуля снайпера, летит» и т. д.

А в связи с этим, с другой стороны, в его словарь — особенно в сатирических стихах о немецко-фашистских захватчиках и американских поджигателях новой войны — вовлекались слова и понятия из сферы современных международных отношений и жизни сопредельных империалистических стран, из области дипломатического языка, скажем: де-факто, де-юре, блиц-криг, фюрер, рейхсвер, госдепартамент, Уолл-стрит, Белый дом, генштабы, гангстер, бизнесмены, гоминдан, дзайбацу, «бенилюксы» и т. п. Слова этой категории, в том числе иноязычные, также придавали поэтической речи П. Комарова существенные черты живого

языка наших современников с их широкими общественно-политическими интересами и непрерывно растущим кругом новых понятий.

В еще большей степени стихотворная речь поэта обогащалась словами и понятиями, отражавшими развитие социалистического промышленного и сельскохозяйственного производства, — ведь и основной темой в творчестве П. Комарова был созидательный труд советских людей, преобразующих экономику, быт, природу Дальнего Востока. П. Комаров принадлежал к тем поэтам, у которых новые слова и понятия профессиональной терминологии наиболее широко и естественно включались в стихотворный обиход. Достаточно всмотреться хотя бы в наименования современных трудовых профессий в его стихах, где действуют люди самых различных занятий и знаний — от колхозного искателя женьшеня или тигролова до сейсмолога или, скажем, генерал-директора тяги. Отсюда и многочисленные профессиональные термины, отражающие производственную деятельность этих людей в рыбной, машиностроительной, золотодобывающей и других отраслях промышленности, в железнодорожном и морском транспорте, сельском хозяйстве и науке с их передовой техникой наших дней и новейшими орудиями труда и производства. Этой терминологией опять-таки одинаково насыщены и повествовательные, и агитационные, и глубоко лирические, в частности, пейзажные, стихи П. Комарова.

По тем же отсталым взглядам некоторых поэтов, о которых шла речь выше, — именно пейзажной лирике будто бы более всего «противопоказаны» новые технические и производственные термины, якобы снижающие ее поэтичность и эмоциональную силу. Эти поэты — приверженцы обветшалых языковых канонов — в своих пейзажных стихах часто и до сих пор воспевают первозданную природу, минуя происходящие в ней по воле человека изменения и обходясь шаблонными изобразительными средствами с шаблонным же словарем из почти не обновляемого перечня деревьев и трав, птиц и животных. Таким образом, создаются десятки и сотни варианты статично-мертвого пейзажа вне времени и типических обстоятельств, лишенного признаков современности, а следовательно, и поэтической новизны. Мнимой оказывается и их поэтичность, ибо подобные стихи рождаются не от жизни, а от литературщины и элигонства.

Пейзажная же лирика П. Комарова была по-настоящему поэтична и свежа как раз потому, что она выражала мироощущение живого человека наших дней в его активном отношении к природе, преобразуемой созидательным трудом. Рисуя картины преобразенной природы, поэт рисовал и обстановку, условия этого труда, чему, в частности, закономерно служила вошедшая в наш быт производственная терминология П. Комаров свободно вводил ее в стихи,

отнодь не боясь и так называемых техницизмов, поскольку и они, к месту и в меру употребленные, могут быть осмыслены поэтически. В результате из-под его пера выходил пейзаж, дающий новое видение природы, полный зримых примет нашего времени и подлинно новый, советский по мироощущению. Можно проиллюстрировать это на многих примерах, свидетельствующих, как производственные термины, соответствующие раскрытию чувств людей разных трудовых профессий, органически входили у поэта в словарный состав эмоциональной стихотворной речи. Например, в стихотворении «Диспетчер»:

Ему из окна конторки
Тайга вдалеке видна,
И ель на крутом пригорке,
И линия полотна.
...За круглыми огоньками
Диспетчерского щита —
Дорожная мгла с ветрами
И стражею у моста.
Деревья в снегу по пояс,
Притихшие блок-посты,
Разъезды и скорый поезд,
Бегущий из темноты.

Это — пейзаж, так сказать, железнодорожный, с серией соответствующих, естественно вошедших в него слов и понятий технического и производственного характера. Вот картина пейзажа строительно-индустриального, с серией таких же, но присутствующих лишь ему слов и понятий. Из стихотворения «Аэроград»:

За полотняным городком
Мы воздвигали кровли цеха,
И скоро утренним гудком
Встречало нас лесное эхо.
Деревья рушились, и вот —
Ни пустыря, ни сосен старых,
Стоят, готовые в полет,
Бомбардировщики в ангарах.

Из стихотворения «В порту»:

...В том краю, где он по месяцу
Человека не встречал,
Я теперь с гранитной лестницы
На морской гляжу причал.
Корабли — их видно издали —
День и ночь в порту дымят,
Чередой подходят к пристани,
Целью якорной гремят.

Но вот выступает другой герой, с иными обязанностями в обществе и иным характером его труда. Это — советский воин, а с раскрытием его мыслей, чувств и словарный состав стихов наполняется иными словами и понятиями. В стихотворении «На допросе»:

Под Фугдином в ночную пору
Мы доставили в штаб полка,
Привели на допрос к майору

Очень важного «языка».
...А майор за столом — ни слова,
Только смиренно велит стоять,
Поглядит на него сурово —
И задумается опять.
...И короткий допрос окончен.
Слышно — танки гремят вдали,
Незадачливого японца
Автоматчики увели.

Еще наглядней эта насыщенность поэтической речи разнохарактерной производственной терминологией в циклах стихов П. Комарова о дальневосточной колхозной деревне. Здесь тоже в стихотворный обиход вступают уже свои, соответствующие обстановке, новые слова и понятия. С их помощью, например, дается зримая, осязательно-конкретная в деталях картина сельского утра:

...Оно начнется — утро это,
Как и всегда — с горячих дел.
Еще задолго до рассвета
Движок вдали затарахтел.
Прошел на кузню старый коваль,
Чтобы, как водится весной,
Поколдовать над горном вдоволь,
Плуги готовя к посевной.
Всё просыпается от гула,
Еще неясного пока:
Ведром доярка громыхнула,
Чихнул мотор грузовика...

В этом стихотворении у поэта даже не фигурирует слово «колхоз». Но такого прямого указания и не требуется — без него ясно, что описываемое происходит именно в колхозном селе. О том же говорит техническая терминология в другом стихотворении, став поэтическими образами в картине вечера на полевом стане:

Пахнет полынью и мятой,
И от соседних болот
Легкий туман сизоватый
Низко над степью плывет.
В стан донесется случайно
И затеряется вдруг
Скороговорка комбайна,
Трактора сдвоенный стук...

Приметы современности по языку поэта отчетливо видны и в таких строфах о бархатном дереве:

...А может быть, в защитной полосе
Оно шатром раскинется над степью,
И воздадут хвалу его красе,
Зеленому его великолелью.
А может, у дороги зацветет,
Где шум стоит от проходящих авто...
Так бархатное дерево войдет
В пейзаж коммунистического завтра.

А в строках, цитируемых дальше, одно наличие современных производственных терминов уже делает ясным, что именно к нашим дням относится выражаемое здесь мироощущение трудового человека:

...Кто первым в поле уловил
Проворный шелест мотвил,
Кто в бункерах увидеть мог
Зерна струящийся дымок, —
Тому земля родных полей
Становится милей.

В отрывках, приведенных нами, есть, кстати, немало таких производственных терминов, что выглядят, как явные «техницизмы»: движок, мотор грузовика, мазут, авто, мотвила, бункера и т. д. Но, как видим, они вполне совмещаются с поэтическими тонкостями пейзажа и глубоким лиризмом авторского чувства, не снижая, а увеличивая эмоциональную силу его выражения. Вызванные самой жизнью, вошедшие в стихи, они выступают у П. Комарова то как реалистическая деталь нового пейзажа, то как обозначение новых условий труда и быта людей нашего времени, то как примета их нового мировосприятия. А наряду с терминами производственными в тех же цитированных выше строфах мы находим слова, пришедшие от своеобразия географии и этнографии Дальнего Востока, его флоры и фауны, характерные обороты нашей общественно-политической терминологии, слова и понятия из сферы военной, из области международных отношений. Приведем полностью еще одно произведение поэта, чтобы всмотреться, как в словарно-образной структуре его стихов сочетались все эти новые элементы языка, служа раскрытию типичных явлений новой действительности и характера советских людей со всей широтой их общественного кругозора:

Степной вагон. Мерцанье свечек.
Бригада с поля подошла,
И молодой политпросветчик
Читает «Правду» у стола.
Там речь идет о нашем веке:
О плане Маршалла, о том,
Как за свободу бьются греки,
Что затевает Белый дом.
И вся бригада полевая
К столу подседа в тесный круг,
Ничем чтеца не прерывая
И настораживая слух.
И хоть не сказано в газете,
Что завтра делать ей пора, —
Как будто танки на рассвете,
Выходят в поле трактора.

Здесь новым содержанием полностью определен и новый словарный состав стихотворения. Этот последний пример тоже, как видим, относится к изображению нынешней советской деревни. И как раз область слов и понятий, связанных с трудом и бытом людей колхозной деревни, П. Комаров особенно обильно и разносторонне использовал для обогащения поэтической речи.

Здесь становится еще более очевидным, что профессиональная терминология не была у него случайной или нарочито приспособ-

ленной, а, наоборот, — он не мог обойтись без нее по самой природе и содержанию своей поэзии. Новые слова и понятия образуют, во-первых, основу его собственной авторской речи и в лирических стихах, и, тем более, в повествовательных, эпических — содержащих те или иные реалистические картины и художественные описания человеческих судеб, мест действия и образов героев. Характерна в этом отношении картина колхозного села в главах поэмы «Живая вода».

Новые слова и понятия, во-вторых, служат у П. Комарова главным средством при раскрытии человеческих характеров и в авторских описаниях и через индивидуальную речевую характеристику персонажей. Поэт хорошо знал и постоянно использовал, в частности, живую речь современников, в том числе обиходную устную речь колхозного крестьянства, в которую с новой жизнью так же широко вошли новые слова. В условиях культурной революции и социалистических форм производства исчезли былые противоречия между этой повседневной устной речью широких масс и литературными нормами общенародного языка. Лексика нового социалистического быта глубоко проникла в обиходную устную речь, оттого многие ее элементы могут легко включаться теперь в литературный язык либо играть в нем роль художественно-стилистических средств. П. Комаров к этому и прибегал в обрисовке образов своих героев. В поэме «Живая вода» такова, например, авторская характеристика парторга колхоза Большакова, проводившего на фронт своего лучшего дружка:

И теперь, проводив дружка,
Он в заботах терял покой:
Всё, что ждало большевика, —
Под его кипело рукой.
«Правду» свежую прихватив,
Он ее старикам прочел,
В клубе женский провел актив,
К звеньевым по пути зашел,
По сегодняшнее число
Подсчитал трудодни бригад
И раздумывал, как село
Повернуть на военный лад:
...Весь в пометках лежит блокнот —
Много сделать парторг успел,
И опять перед ним плывет
Черета событий и дел...

Но еще ярче у поэта использование новых элементов обиходной устной речи колхозного крестьянства в прямых речевых характеристиках персонажей. Новые слова и понятия, почерпнутые из жизненной практики, из печати, из докладов и лекций, вошли в быт колхозников и тесно переплетаются в их живой речи с понятиями и выражениями, существующими издавна, с образно-речевыми оборотами фольклора. В этом сочетании реалистически, правдиво поэт и воспроизводил ее, создавая убедительную индивидуальную речевую характе-

ристику каждого из героев, дающую представление об уровне их развития, раскрывающую их мировоззрение, очерчивающую характер и личные особенности.

Прием такой речевой характеристики удачно применен при обрисовке образа старого сибиряка-колхозника в стихотворной повести П. Комарова «Глухарь», этот прием использован в стихах «Лето», «В родном селе», «Таежный колхоз», «На птицеферме» и других. На нем построена начальная глава той же поэмы «Живая вода», изображающая вступление в колхоз бобылки Лукерьи Свечиной.

Поэтическая речь П. Комарова происходила от живой народно-разговорной речи и была неразрывно близка с ней как со своей родной почвой. Оттого реалистически-жизненному, простому и доходчивому языку его чужда шаблонно-мертвая, условно-символическая фразеология декадентской поэзии, всякое формалистическое украшательство. Привлекая богатства народной речи, он, как и все мастера слова, не просто копировал, а творчески преобразовывал эту речь, добиваясь ее художественной, живописно-образной выразительности.

В связи с этим надо сказать еще об использовании П. Комаровым старых слов и выражений из языкового наследия прошлого. Известно, что с ликвидацией капиталистического строя последовало массовое устранение из нашего языка слов и понятий, связанных с былым существованием эксплуататорских классов, капиталистического производства, буржуазного государственного аппарата и т. д. Многие из этих устраненных слов и понятий вовсе вышли из обращения, другие употребляются редко, и хотя остались у нас в основном словарном фонде, однако перешли в его пассивный запас. Известная часть таких слов и выражений вовлекается в современный общенародный и литературный язык для отражения явлений прошлого, к которому они относятся, или когда эти слова, подвергшись смысловой переработке, выражают новое содержание. Старые слова и выражения применяются также для характеристики отрицательных явлений, для придания речи различных эмоционально-стилистических оттенков, таких, как ирония, пренебрежение, презрение к врагу и т. д. Соответствующую, каждый раз обусловленную определенным замыслом роль играют они и в стихах П. Комарова.

Выше сказано уже о случаях, когда поэт употреблял архаизмы либо в обновленных словесных сочетаниях, либо переработанные по смыслу и выражающие особенности нашего нового времени. Функцию осмеяния, разоблачения врагов выполняют многие архаизмы в его сатирических стихах о немецко-фашистских захватчиках и американских факельщиках новой войны. Старые слова и выражения появлялись в словаре поэта при изображении тех или иных явлений прошлого. Так, в стихотворении «Харбин» он коснулся затхлого быта бе-

лоэмигрантов, гнездившихся в Маньчжурии, и это повлекло за собой серию соответствующих слов, вроде «перелицованный мундир», «треуголки», «литургия», «приказчик», «лавочник», «хиромантка» и пр. В поэме «Живая вода» вспоминались картины до-революционного быта русского крестьянства — и вместе с ними вернулись устаревшие, отошедшие в пассивный запас нашего словарного фонда слова той поры: «леший», «домовой», «водяной», «бес», «поп» и т. п. Но благодаря тому, что использование таких слов было целенаправленным, они как бы оживали, восстанавливались в языке и переставали восприниматься как архаизмы, поскольку служили реалистическому отображению минувшей действительности либо получали новые, современные смысловые оттенки и интонации.

Интересный пример целенаправленного использования архаизмов содержат произведения П. Комарова, относящиеся к давнему историческому прошлому Дальнего Востока, — стихи о первооткрывателях края, русских землепроходцах и мореплавателях. Архаизмы вовлечены здесь в большом количестве — до древнейших слов и речевых оборотов, отражающих колорит описываемой эпохи в деталях обстановки, быта и психологии действующих лиц. Такова, в частности, амурская легенда «Серебряный кубок», и особенно первая часть стихотворного романа «Владимир Атласов» об открытии русскими Камчатки в начале XVIII столетия. Соответственно замыслу романа, развитию его сюжета, характеристике персонажей в словарном составе повествования сочетаются и своеобразные обороты господствовавшего тогда «указного государева языка», и церковно-славянская фразеология приказных дьяков, и словечки боярско-купеческого жаргона, и, наконец, народно-речевая стихия русской казачьей вольницы в ее прогрессивном стремлении к освоению новых земель.

Историческое прошлое Дальнего Востока поэт осмысливал также с высоты передовых идей своего времени. Основными героями и этих его произведений были простые русские люди, осуществлявшие тогда великое движение нашего народа до естественных границ России на Тихом океане, и героические дела их он справедливо изображал как патриотический подвиг освоения края, перешедшего нам в наследство. Для выражения этой мысли в качестве художественного средства использовались и архаизмы, различные способы их применения, способствующие реалистическому раскрытию человеческих характеров и событий тех времен. Так, официально-деловая тогдашняя лексика служила в романе при обрисовке дальновидного воеводы-администратора, понимавшего государственный смысл расширения дальневосточных границ страны. Противостоящего этому тупого купца-стяжателя поэт сатирически осмеивал, пародируя его речь смесью церковных словес и жаргонных идиом. А рисуя русских ка-

заков, что вопреки всем преградам шли открывать новые земли, он привлекал образное богатство и меткость живого народного просторечия, оттеняющего их пытливым ум, бесстрашие и удалой размах. Исторический колорит, своеобразие языковых особенностей эпохи соединялись у него и здесь с индивидуальным речевым портретом людей различных профессий, классов, характеров. И опорой художественно-речевого строя произведения также являлось словарное многообразие общенародного языка.

Таким образом, и в тех случаях, когда П. Комаров обращался к прошлому Дальнего Востока, он изображал значительные события народной жизни. Что касается его стихов о новой, современной действительности края, — известно, что решительно все они затрагивали те или иные стороны борьбы и труда народа в новую эпоху, говорили о делах, мыслях и чувствах, которыми живут миллионы советских людей. Народность, следовательно, была отличительным свойством его поэзии. Этому соответствовали изобразительные средства поэта, их идейно-художественная сущность. Образно-поэтическая система П. Комарова исходила из мира народных, обогащенных опытом революции и социалистического строительства представлений; материалом для своих реалистических жизненно-конкретных метафор, сравнений, эпитетов он брал явления и факты из трудовой деятельности народа и из мира окружающей его природы.

Об этой стороне дела писалось уже не раз, об изобразительных средствах поэта приходилось особо говорить и нам*, — поэтому на протяжении всей данной статьи мы выделяем лишь вопрос о собственно языковых средствах его стихотворной речи. Можно сделать вывод, что и словарный состав, языковой строй этой речи, отражавшей явления народной жизни, отличаются характерными чертами народности. Движущей силой развития художественного языка поэта было обогащение его новыми словами и понятиями, пришедшими в общенародный язык с коренным преобразованием жизни нашего общества. Отбор и ввод этих слов сочетался с постоянным использованием всего издавна накопленного лексического богатства обиходной народно-разговорной речи. Живая народно-разговорная речь с ее словарным фондом и грамматическим строем вообще была основой образно-языковой структуры стихов П. Комарова.

Чтобы убедиться в этом, проследим еще примеры многостороннего проявления народности в его поэтической лексике и грамматике. Одним из ярких ее признаков служат народные пословицы и поговорки, ко-

торые часто использовал поэт. Воспроизведенные буквально или творчески преобразованные, они органически жили в его стихах, рожденные новым временем («не ленись, да живи без корысти», «не живи со старой метою», «к рукам прибрали кулака», «а суеверие — в архив», «должно быть, старого режима и старой веры человек») и бытующие давно («по гостю мы выбрали ласку», «от семи смертей на волоске», «прошибло врагов до девятого по-та», «на ладан дышит», «тому средь выюг пришел каюк, того хватил кондрашка», «хоть волком вой») и многие другие. Таковы же у него разговорно-обиходные обороты, общеупотребительные образные сочетания, речевые идиомы, характерные для русского народного языка, например: «а для таких — закон не писан», «воевать — кишка тонка», «задал стрекача», «спят каиновым сном», «летит во все лопатки», «ни духом не знал, ни сном», «учить — резону мало, а проучить — резон». Подобных примеров можно также приводить множество.

Признак народности комаровской лексики — и в ощутимом родстве его стихов с устным народно-поэтическим творчеством. Многие стихи написаны им в песенном ритме народной поэзии, наиболее употребительные размеры их — ямб и хорей с пиррихией, стопой из двух безударных слогов. Главное же, что и в образную систему этих стихов входят свойственные песенно-былинной поэтике слова, эпитеты, сравнения, например: «доля» (в смысле «судьба»), «нива», «дума» (в значении «мысль»), «милый-суженый», «поле чистое», «белый плат», «нареченный дружок», «соловушка», «на зорьке вешней», «мать-земля сырая», «гор-linka стонет, голубка лесная» и т. д. В духе такой поэтики построены подчас даже целые строфы:

Ты отворись, темница,
Ты расступись, земля,
Чтоб никуда от кары
Не уползла змея!..

Черты народности лексики и фразеологии П. Комарова сказываются далее в том, что, сближая поэтическую речь с живым народным языком, он широко вводил в стихи слова разговорного просторечия, — к примеру: «потрафил», «недотрога», «выдюжим», «недосуг», «брatаны», «промаялся», «спятил», «рыбачили», «сподручней», «ажно» (в смысле «даже»), «должно» (в смысле «вероятно»), «судачили», «кряду», «напасть» (сущ. в значении «беда»), «авось», «не плошай», «не торопко», наконец, «нехай», «язви его» и т. п. В некоторых случаях, когда в этом была необходимость, он прибегал даже к специфически-жаргонным словам вроде «пошурюем», «двинем», «чешет» (в значении «бежит»), «крой по цели» (в смысле «бей»). Введение таких слов чаще всего связано у него с созданием речевой характеристики персонажей.

* См. наши статьи «Поэт Петр Комаров» (журнал «Дальний Восток», № 4, за 1950 г., стр. 98—116); «Поучительный пример» (там же, № 6, за 1952 г., стр. 119—127); «Оружием сатиры» (там же, № 5, за 1954 г., стр. 175—197).

Приверженцы омертвевшего традиционнокнижного языка былых лет чураются и слов разговорного просторечия, считая их «неблагозвучными», «некрасивыми», «прозаичными» и якобы несовместимыми с подлинной поэзией, хотя вздорные утверждения эти давно развенчаны. Ложное эстетство было чуждо П. Комарову и здесь. Стремясь к естественности, реалистичности языка, он не останавливался перед употреблением и так называемых «грубых» народных слов и вульгаризмов, когда они помогали ярче выразить нужную мысль и чувство. Отсюда, в частности, немалое число таких слов в его сатирических стихах, изобличавших немецко-фашистских захватчиков и англо-американских поджигателей войны, например: «этот портки потерял в перепалке», «в морду заехать ему норовит», «а в брюхе каждая кишка свистит, как дудка», «бил метко сукиных сынов» и др. В соответствующем контексте и эти вульгаризмы полностью сливались с литературным языком.

Характерно также, что многим словам, употребляемым в литературном языке, поэт придавал смысл, который они имеют лишь в обиходном говоре народа, или приводил эти слова в таких сочетаниях, какие встречаются только в народном языке. Так, например, слова «хозяйка», «баба», «старуха» не раз фигурируют у него в смысле «жена», а слово «мужик» — в значении «муж»: «старуха сегодня кстат оладьями угостит», «он жил один — хозяйка умерла». Подобно этому слово «перейдет» выступало в значении «исчезнет»: «а страх — он скоро перейдет»; слово «обернется» — в смысле «окажется» и «возвратится»: «и пустошью вдруг обернется полоса», «ты обернешься ли назад?»; слово «больно» — в смысле «очень»: «уж больно он речист». Таковы и следующие сочетания, идущие от народного языка: «вот рванет с бубенцами тройка», «то было в час войны», «и в метелку выходит пырей», «всё у нас пошло бы в гору».

Народный характер лексики проявлялся у П. Комарова, наконец, и в целенаправленном подборе собственных имен существительных. Персонажи его стихов, поэм, рассказов, повествующих о русских людях, носят русские имена, широко распространенные в народе: таковы пограничники Павел Веденичев и Степан Коновалов, медсестра Наташа Лисунова, советские солдаты — сибиряк Суханов, Михаил Пирогов, Иван Петрович Сидоров, Пахом Пономаренков, колхозная звеньевая Лукерья Ильинична Свечина, председатель колхоза Иван Тимофеевич Седых, парторг Кирилл Большаков; в историческом романе — казак Владимир Атласов, государев дьяк Иван Федоров, купеческая дочь Федора Логинова, таковы же казацки прозвища — Морозко, Левша, Алешка Постный. В произведениях поэта, наряду с географическими названиями существующих сибирских и дальневосточных городов, рек, селений,

присутствуют порой наименования вымышленные. В этих случаях они подбирались тоже из числа народных, например: деревня Зеленый Клин, селение Лутошкино, Дальний Лог.

Многообразны проявления народности языка П. Комарова и по разным частям грамматики. Произведения письменной литературы позволяют, конечно, лишь в неполной мере судить о звуковой стороне их словарного состава, но всё же и в фонетике комаровских стихов народные элементы улавливаются без труда. На них указывают, например, неоднократные случаи, когда, типизируя индивидуальную речь персонажей или передавая колорит минувшей эпохи, поэт сознательно избирал народно-разговорные, так называемые полногласные варианты слов — в то время как в литературном языке эти слова бытуют без полногласия. Вот эти варианты: «спят безвременным сном» — вместо «безвременным», «прибережные кусты» — вместо «прибрежные», «ворог» — вместо «враг», а также «череда», «схоронено», «вопросил»; дважды это полногласие сохраняется у него в именах — «Володимир, Феодор».

В других случаях, скажем, он использовал разговорные слова с приставкой «с» там, где в литературном языке утвердилась приставка «со», например «сбирать» вместо «собирать», или, как в слове «Ильинишна», употреблял разговорное «ин», хотя в книжных словах удерживается написание «чн». Разговорное звуковое оформление имеют у поэта отдельные слова, вроде: «нету», «откудова»; народность его фонетики сказывается и в ударениях, когда они иногда падают не на основу слова, как в литературном языке, а переходят с основы на приставку, на предлог или на окончание слова, что характерно для народного языка, а именно: «пó небу», «пó полю», «на́ сердце», «на миру честном», «человек чудно́й» (в смысле «странный») и пр.

В тех случаях, когда речевую характеристику персонажа поэт хотел подчеркнуть и ее звуковым строем, он прибегал к такому приему, как введение в текст слов с иноязычным произношением. В стихотворении «Проводы» мать-казачка говорит: «Сынку, на бой ты правый ролиной призван, хлопче!» Сын отвечает: «Ой, не тоскуй ты, мамо, жди казака с победой!..»; таков по звучанию и украинско-казачий оборот «порубали гадов чисто». Иногда же с целью наиболее точной передачи произношения устной речи персонажа П. Комаров давал литературные слова в искаженной форме, так, как они звучат в просторечии, например, с пропуском букв и слогов: «одежа» — вместо «одежда», «по тыщам враз» — вместо «по тысячам сразу», «Тимофеич» — вместо «Тимофеевич», или: «подарок-то мой незатейный» — вместо «незатейливый», «наши мысли одинаки» — вместо «одинаковы»; и наконец, «тогда из-под тоё Камчатки» — особенно показательный случай употребления слова по разговорному произношению.

Но, разумеется, такого рода искажения у поэта немногочисленны и всегда идут лишь от лица персонажей.

Так же легко прослеживаются черты народности в морфологии языка П. Комарова. Для богатой интонациями, живой народной речи свойственны, например, частые изменения слов с помощью различных суффиксов. Распространенные случаи использования таких словоизменений мы находим и в комаровских стихах: с ласкательными и уменьшительными суффиксами — «конек», «чаек», «паренек», «ведерце», «землица»; с увеличительными суффиксами — «купчина», «детина», «усищи»; наконец, с суффиксами уничижительными — «Ванятка», «Игнашка», «делишки», «речушка», «пичужка» и т. д.

В одном из стихотворений поэта о войне есть фраза: «всё у нас пошло бы в гору, только немец помешал». Здесь существительное «немец» употреблено в единственном числе вместо необходимого по смыслу множественного, вследствие чего это слово приобрело собирательное значение, подразумевающее армию немецко-фашистских захватчиков. В другом случае аналогичным собирательным стало существительное «японец». Подобное употребление числа имен существительных тоже типично для народного языка и не раз встречается у П. Комарова также в иных ситуациях, например: «жених пошел не тот», «нищета из болота напьется», «на ветер пущена деньга». Не менее часто он прибегает к столь же характерным для народной речи падежным окончаниям существительных: «без счету», «с голоду», «не кажет глазу», «знатного роду», «мало толку». Правда, некоторые формы этих окончаний присущи теперь и литературному языку, но в него они проникли именно из языка народного.

К народным элементам морфологии в стихах П. Комарова относятся, в частности, и наличие в них усеченных форм глаголов: «слышь», «вишь», «подь», «куда ни глянь», а также нередкое употребление поэтом так называемых народных частиц: «ах», «ой», «ох», «эй», «эх», «ну-ка», «чай», «де», «ишь», «-то», которые не имеют значения самостоятельных слов, но придают речи те или иные оттенки и интонации: «Ох, далека Камчатка эта!..»; «Ах вы, алырники и воры!..»; «Ой, родимая, глуха ты!..»; «Эх, и сила!..»; «Ну-ка, двинем, ну-ка, ухнем!..»; «Эй-эй, ребята, не плошай!..»; «Ишь, разошелся!..»; «Ванька-то, Ванька-то, язви его!..» и т. п. Следует сказать, что к этим частицам поэт прибегал, конечно, не в авторском тексте, а опять-таки в прямой речи персонажей, стремясь оттенить ее особенности и колорит.

Органическая народность языка П. Комарова ярко проявляется, наконец, в его синтаксисе, почти полностью свободном от длинных и усложненных словесных конструкций, имеющем своей основой по преимуществу короткие немногочленные предложения простых и ясных грамматических

форм. Эта главная черта отличает синтаксический строй и авторской речи поэта и речи его персонажей, но в последней предложении обычно становятся у него еще более короткими, полностью воспринимая характер живого народного говора, например:

И сразу тесно стало в хате.
— Раздайтесь, граждане, чуток.
А ну, Иван Петрович, кстати
У косарей подбей итог.
— Ты где косил? — За Дальним
Логом.
— Ну, как там травы? — Хороши.
Там ставить можно стог за стогом,
Знай только сено вороши!..

Приведенный пример характерен и по другой черте его синтаксиса — по частому употреблению вопросительных и восклицательных предложений разговорного типа, причем они тоже одинаково распространены и в репликах героев произведений, и в авторском тексте. Благодаря этому в стихи его входило неисчерпаемое богатство смысловых, эмоциональных оттенков народного языка.

П. Комаров прибегал также к неполным и незаконченным предложениям, которые сравнительно мало используются в литературном языке и широко бытуют в народном. Неполные предложения он формировал чаще всего с пропуском сказуемых, в этом смысле концентрированной явилась, например, такая строфа:

И на памяти — жаркий клуб.
В клубе — Карповна со снохой.
И сноха — за трибуной. С губ —
Не слова, а порох сухой.

Поэт применял и присущую народной речи бессоюзную связь между предложениями, опуская, например, условный союз «если» («Не догляди — и срок упустишь»), временный союз «когда» («Взглянешь — и грустью по родине сердце наполнится вдруг»), причинный союз «потому что» («Я письма не пошлю вдогонку — нету адреса целый год») и т. д. Всё это придавало его стихотворной речи выразительную сжатость в сочетании с тем же народным колоритом. А с другой стороны, он неизменно пользовался известным приемом повторения слов в предложениях, усиливающим выражение мыслей и чувств, например: «Край суровый мой, край родной!»; «Россия, Россия, Россия — и вера, и правда моя!»; «Ты смеешься и плачешь, — Нингута, Нингута...» Такого же повторения предлогов к словам: «Вот проходят они по зеленым, по широким заречным лугам», «Случилось, до снега, до свежего охотники вышли в тайгу»; «За зеленой за тихой протокой...» и т. д. Этот распространенный в устном народно-поэтическом творчестве прием помогал ему в свою очередь достигать в стихах проникновенной теплоты и лиризма.

Показательно для синтаксиса П. Комарова и то, что при соединении простых предложений или слов в них он зачастую выбирал такие союзы, которые присущи только народному языку, и заменял ими книжные. Так, вместо книжного союза «если» мы не раз встречали у него «кабы» и даже «коли»; сравнительному книжному союзу «как» он то и дело предпочитал идущее от устной народной поэзии «словно» («Словно часовой в широкой пойме»), разговорным союзным словом «что» заменял книжное «который» («Завтра встанет у пашен, что засеял колхоз»). Народному языку свойственны еще предложения со вводными словами вроде «знать», «видать», «мол, вот», «то-бишь», «что ли». В комаровских стихах и они не единичны: «Тоже, видать, изболелось сердце-то...»; «Мол, вот ударницу найду»; «Да, знать, ошибся невзначай»; «То-бишь, для сумасшедших дом» и т. д. Не случайны у него и факты особенного, чисто народного управления некоторыми словами в предложениях, когда эти слова берутся не в том падеже, который обычен для литературного языка, а в том, какой установлен языком разговорным, например: «по весне» — вместо «весной», «по воду» — вместо «за водой», «по грибы» — вместо «за грибами» и др.

Неоднократно в стихах П. Комарова сочетания однокоренных слов в предложениях: «полным-полна кетой»; «белым-бело от черемухи»; «пшеница — стена-стенной»; «ночь темным-темна»; «день-деньской»; «диво-дивное». Такие явления тавтологии исключительно свойственны устной народной поэзии, народному языку, как и употребление двух смежных слов-синонимов, что мы тоже находим у поэта, например: «негаданно-нежданно»; «бобылка-вдова»; «жив-здоров»; «лихо-недоля суровая» и пр. Характерны, наконец, и те распространенные в народе обращения, которые поэт вводил в стихи, — в том числе новые, современные: «Вы, товарищи, не мало по военным шли дорогам»; «И всё это, родина, — ты!»; «Мы помним, подруги!», а также вошедшие в быт издавна: «Тебя, сторона моя дальняя»; «Что ж вы, девчата, примолкли?»; «А ну-ка, хлопцы!..» и т. д.

Мы видим, таким образом, что характерные элементы народной лексики неотделимы здесь от всей языковой ткани стихов,

ими пронизаны и авторская речь, и характеристики персонажей. Богатство, образность, интонационное разнообразие словарного состава народного языка придают и поэтической речи свои яркие краски и эмоциональные оттенки, делая ее то лирически-задушевной, то патетически-торжественной, то веселой, проникнутой типичным русским юмором. Многообразные признаки народности лексико-синтаксического строя этих стихов также подтверждают его происхождение от строя общенародного языка.

«Народ создает язык, — говорил Белинский, — писатели на нем творят сообразно его законам». Этот основополагающий принцип определяет высокую языковую культуру русской классической и советской литературы. Учась на ее опыте, тому же принципу следовал в своей работе и П. Комаров. Глубокая и постоянная взаимосвязь с языком своего народа, творческое использование его неисчерпаемых и всё возрастающих речевых богатств помогли поэту создать собственную индивидуально-своеобразную поэтическую речь, позволившую ему на материале действительности родного края проникновенно рассказать о делах и людях своего времени.

В этом смысле опыт его работы над языком, над словарным составом своих стихов — это ближайший пример для творческой практики других поэтов-дальневосточников. Известно, что творчество П. Комарова благотворно повлияло и влияет на работу как его сверстников — С. Смолякова, С. Тельканова, так и поэтов более младшего поколения — А. Рыбочкина, Н. Наволочкина и др. В этом влиянии, кроме обнаруженного П. Комаровым умения активно, правдиво и художественно изображать новую, советскую действительность своего края, несомненно сказывается также пример его целеустремленного отбора из богатств общенационального языка именно тех языковых средств, которые ему необходимы были для раскрытия характерных сторон и особенностей этой действительности. У поэтов-дальневосточников есть все данные к тому, чтобы развивать опыт П. Комарова, добиваться индивидуального творческого своеобразия и в языке стихов, сознательно и осмысленно обогащать возможности собственной поэтической речи — более глубоко и ярко изображать нашу героическую современность.